

Елена ОЖИЧ

*

Когда-то мы были одним человеком,
И было в одном его теле два сердца,
Потом твоё выбралось, легло в мои
руки,
И мы оставались ещё
одним человеком. Ну, как бы. Недолго.

Потом я была твоею едою,
Потом я была твоими ногами,
Потом — кухаркой, сторожем, прачкой,
Чтецом тебе сказок,
Носителем ранца — сначала до парты,
Потом до крылечка, потом до калитки,
Потом ты сказала: «Ну, мама, не надо»,
И больше меня не хотела в подружки...

... потом я была устроителем свадьбы,
Потом стала бабушкой твоим детям,
Водила их на футбол и на скрипку,
Носила им ранцы — сначала до парты,
Потом до крылечка, потом до калитки,

Потом они выросли и заходили всё реже...

Потом я умру,
Но ты оставайся — так долго, как сможешь,
Быть сердцем вторым одного человека.

ТАТЬЯНА

Сергиев Посад. Интернат.
Привезла врачам показать,
А они говорят, вам решать.
Из-за левого плеча не молчат:
«Оставляй, поезжай назад,
Это не человек — немощь,
Будет лежать, как овощ,
Висеть на тебе, как ветошь.
Всей-то радости, что ест и дышит,
Не увидит тебя, не услышит.
В детский сад не отдашь,
Не выдашь замуж,
Все поймут, оставляй уж».
Из-за правого плеча не молчат:
«Не бросай, сама будешь
Ветошь, сволочь,
Душу тебе разъест
Кислота, щелочь,
К Сергию иди, у него проси помощь».
Думает она ночь, идет к нему днесь,
Дай мне, просит, работы здесь,
Хлеба немного есть,
Где-нибудь поселиться здесь,
Между мной и ею крепкую цепь повесь,
Чтоб мы остались в городе твоём
Вдвоём.
А его приведёшь — втроём.
У святого в аккуратном посаде —
Белые стены, купола, голуби.
Тот, за левым плечом, в досаде
Хмурит брови, кривит губы.
Сергий смотрит на неё из своего рая-сада —
Мол, только её люби,
А я сделаю всё, как надо.

ЁЛОЧКА

Клишина Елена родилась в 38-м, умерла в августе 42-го —
Через год после начала блокады.
Жила на Двинской улице,
Похоронена на Пискаревском кладбище.
Много ли было надо такой крохе,
А ведь не хватило ни жмыха,
Ни столярного клея, ни облезлой кошки.
Какой она была девочкой — голова кругло стрижена,
Глаза большие серые, кожа с голубым отсветом?
А звали ее наверняка Еленочкой, или Ёлочкой, или Лелей
И платком её завязывали крест-накрест?
Зачем, зачем такие случайные находки в Интернете,
Может быть, чтобы потом не спрашивать: «На хрена жизнь такая?»,
Когда у другой девочки с твоим именем её вообще не было?
Плачу по Ёлочке, маленькой ленинградочке, тёзочке, резвочке...

*

Если где-то происходит несправедливость,
Все мне пишут: «Исправь, пожалуйста, сделай милость»,
И считают, что вроде договорились.
А недавно ко мне приходил один неробкий,
Предлагал гешефт, из кармана вынул
Конверт, и конфет коробку, только я не принял.
Я сказал: «Хочешь, поделюсь паролем своим и логином,
Передам все права на четверть от половины,
Сядешь рядом, глядишь, и дело сдвинется,
Поубавится мерзости да и гнилости,
Это ж так легко, как вам сбоку кажется,
Помоги немного...» Так не отважился,
Отвечал — не обучен этому, не имеет навыков,
И вообще, а ему-то оно такое надо ли,
Здесь, мол, нужно быть альтруистом конченным,
Здесь ослепнуть можно, читая почту,
Он такой работы себе не хочет.
Ну, чего тогда, говорю, иди, не прощаемся,
Присылай письмо — пообщаемся,
Когда руки дойдут, только скоро не обещаю,
Если денег просят, не отвечаю.

НАДЕЖДА

1

Бабка моя Надя уговаривала хлеб,
Тесто заводя в большой кастрюле.
Что-то вроде «Каравай наш батюшка,
Накорми нас, не оставь голодными».
Тесто уговоров слушалось — поднималось,
Духовитым, дыроватым в печке делалось.
Все ходили к ней на расстягаи,
А она с собой ещё положит парочку.
Мы теперь пирог лепить не скорые,
К хлебу уже нет того почтения,
А Надежда порасскажет, если спросим,
Как она жила в деревне замужем.
— Ухожу на службу, мне свекровь отрежет корочку,
Чтобы я-то, значит, пообедала.
Я зайду к сестре безмужней Еудиньюшке-покойнице,
Миша там и Толя, детки ползают.
Толе пять, а Миша вовсе махонький,
В доме пусто, плачут оне с голоду.
Между ними разделю я свой кусочек,
И сижу реву, что дать им больше нечего,
У свекрови шибко не напрочишься...

Миша — мой отец, и помнит эти корочки.
Надин хлебный сын. Её Наташа умерла — болела,
Позже родила Серёжу, его пять внуков,
Но теперь живёт одна —
Агафоныч как три года помер.

2

Руки её в белой муке ещё больше коричневые.
Хлеб будет самый простой, но вкуснее, чем пряник коричный.
Сколько живёт, в сердце копит любовь,
Наполняя его, как бездонный ящик.
Внукам оставит, туда же его не утащит,
Ящичек памятный, родный, какие уж в нём секреты? —
Там у неё и медали, и метрики, фотокарточки, документы.
Вот он ходит мимо, она ему вслед: «Мой мальчик, сыночек, внучек...»
Как он в детстве болел, как он её измучил —

Скарлатина, ангина, ветрянка, коклюш,
«Да ты маленький был совсем, потому не помнишь...»
Так ей тяжело дался, поэтому всех дороже,
В Рождество, быть может, заглянет её Серёжа –
Посидеть минутку, уважить короткой беседой старость.
Эх, Сереженька, что от меня осталось,
Может, скоро уже и не буду жива –
Тормошило столько меня, почти уж опустошило.
У меня сегодня хлеб, как нечасто бывает, ладен.
Приезжай, сыночек мой, светлый ангел.

НАТАША

Не приходи к ней, прошлое, не приходи никак. Было б оно хорошее, а то ведь мрак. Поскорее пускай раскрошит его, сдует прах. Был там один негодяй, дурак. Узнала позже — третья стадия, рак. «Почему я, Бог?» — это не её вопрос. Девочка без волос и слёз после «химии» идёт на бокс. Ей поставят хук, кросс, апперкот. Если он вдруг появится, нападёт, уж она пробьёт, приложит. Долго её это жгло, а сейчас — прошло. Только держи его, Боже, в строгом ошейнике, на поводке, пусть не подходит к ней, двух городов не ближе. Не приводи только его к сыну, она об этом больше всего просила. Ну, а что рак — она его победит, она знает много молитв, благодарит, дышит, картины пишет. План победы у неё на груди вышит.

АЛЕКСАНДРА

Что она думает, когда те, другие, надевают кольца на безымянные пальцы, заглядывают друг другу смущенно в лица? Сколько это у них продлится? Надо ли им вообще жениться, а до этого год встречаться, а после — ещё венчаться, а ещё через год разводиться? Будут ли у них дети, или уже в чреве, или ещё в плане, что он будет говорить ей по пьяни, станет ли она стервой, будет ли на него жаловаться маме? Будет ли он ей примерным мужем или изменит с одной из ее подружек, сколько будет разбито тарелок, кружек, сколько вообще разошлось супружеств — из тех, кому по пятницам и субботам она говорит: «А теперь целуйте...» Чего уж там, празднуйте, в общем, будьте. Может, вообще не думает ничего такого? Как удастся ей не плакать, дышать ровно, говорить ровно, когда эти, другие, приходят, встают на коврик, как у них дрожат губы, падают кольца, она даже слышит, как мама громко шепчет невесте: «Доченька, ты не бойся», почему она никогда не была на её месте? Успокойся, говорит себе, успокойся. Это, видимо, чёрный юмор, над которым ей не поплакать и не посмеяться — чтоб была молодой вдовой регистратор загса, что не стала женой человека, который умер, хорошо, что был уже в животе сыночек, огонёчек её, осветивший сумрак... Но сейчас о работе думай — снова двое ставят подписи на листочках, вальс танцуют на лепесточках, а она их объявит, поздравит и улыбнётся... Все, кто знают, думают: «Ей зачтётся, Бог не шутит по чёрному, не смеётся, за её-то эту улыбку, её службу Он подарит девочке нашей мужа, и она не откажется, не увернётся».

— **В** этого больше не доливать чернил, не подсыпать букв, —
Думает тот, кто всегда чинил, штопал кукол:
— Ты как знаешь, Создатель, а я дальше — пас,
Пусть отныне живут себе, как умеют,
Рук и ног, суставов, тряпичных сердец запас
У меня иссяк. Не поверишь, Господи, надоели —
То у них война, то голод, то бунт,
То чума, то оспа, то моровая язва,
Одному успеваю еле пришить лоскут,
У другого, смотришь, уже не хватает глаза.

Столько сотен лет я не брал выходной,
Маму старую не навещал, не общался с дочкой,
По твоим лекалам я их тачал — не простой,
Самой крепкой, надежной строчкой.

А младенцы, Боже? Вот их сошьёшь
Самых нежных кожи и льна — как на-ка! —
Собираешь брошенных, достаешь
Из сортиров, свалок, помойных баков.

Этим куклам добро не впрок,
Не велишь их шить абы как, попроще,
Я пытался, Господи, я не смог,
Я устал, состарился, закрываю, в общем,

Эту лавочку, ухожу. Оставляю всё
На столе и полках: здесь — утюжу, а здесь — вяжу,
Здесь храню тесьмы да иголки.
Поменял у «зингера» колесо
Маховое. Хоть и старая, хороша машина,
Это грим и краски, чинить лицо,
Кисти мою вон в том кувшине.

Не проси, хозяин, и не держи,
Сам ведь знаешь, что я запью...

...Кто в руках твоих, покажи,
Ну, конечно, зашью, зашью...